

КРИСТИНЕ ОГАНЕСЯН

Помощник судьи Конституционного суда РА,
соискатель кафедры конституционного и
муниципального права института права и политики
Российско-Армянского университета

СВОБОДА МЫСЛИ В ВОЗЗРЕНИЯХ МЫСЛИТЕЛЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Объектом исследования и критического анализа в данной статье являются взгляды античных и средневековых мыслителей относительно свободы мысли. Хотя право человека на свободу мысли как таковое сформировалось в наше время, знание исторических факторов, повлиявших на этот процесс, играет важнейшую роль в вопросе его правильного понимания и толкования, а также в вопросе совершенствования правового регулирования конституционного права на свободу мысли.

Ключевые слова: свобода, свобода мысли, античность, средневековье.

В современном мире свобода мысли воспринимается как важнейшая составляющая свободы личности, как неотъемлемое, естественное право человека. Зародившись в достаточно неопределенной форме в умах античных, получив некоторое развитие у средневековых мыслителей, «свобода мысли» сформировалась в виде устойчивого словосочетания лишь в наше время и прочно вошла в язык правопедения, заняв свое достойное место в иерархии общечеловеческих ценностей. При всей своей общепризнанности и общепринятости, тем не менее, эта категория *prima facie* кажется фиктивной, призрачной и изучена достаточно поверхностно, а посему возникла необходимость восполнения этого пробела. *Cogitare hominis est* (размышление свойственно человеку), причем размышления на самые разные, волнующие человечество темы и как предмет размышлений свобода мысли не является исключением. Можно ли посягнуть на свободу мысли? Нуждается ли свобода мысли в правовом закреплении и в защите? Попытаемся найти ответы на эти вопросы, обратившись за помощью к трудам мыслителей греко-римской древности и средних веков. Оказалось, что на протяжении долгих веков велась неагрессивная, достаточно интересная полемика на эту тему и хотя в рассматриваемых нами трудах прямого терминологического упоминания о свободе мысли найдено не было, тем не менее тематически косвенно к этой теме обращались.

Гомер (8 в. до н.э.) свободным считал того человека, который не испытывает никакого внешнего принуждения и действует, исходя из желаний собственной природы¹. Очевидно, что Гомер связывал свободу человека с возможностью реализации желаемых им действий, но необходимо учиты-

вать, что прежде всего желаемые действия должны сформироваться у человека в виде мыслей-желаний, мыслей-намерений. Если человек не подвергается внешнему принуждению, то его мысли, как правило, совпадают с его действиями. Следует заметить, что быть свободным внутренне и быть свободным внешне – это абсолютно разные состояния человека. Свобода мысли как свобода внутренняя, не обязательно сводится к словам или действиям, а если сводится, то получает уже качественно новое содержание и трансформируется в качественно новую категорию. Мысль, как и в целом мышление, является содержанием внутреннего, духовного мира человека, недоступным для других и даже в условиях внешнего принуждения человек по-прежнему волен иметь мысли любого содержания. В то же время, не следует забывать, что мышление это познавательная деятельность человека и опосредованный способ отражения действительности, то есть от окружающей человека действительности зависит содержание его мыслей. Бесспорно, человек под влиянием внешнего воздействия может менять свои мысли и внешнее воздействие на человека может быть как мягким, деликатным (уговор, убеждение, подкуп), так и жестким, ультимативным (запугивание, угрозы, шантаж). Если не сработает один метод воздействия, можно использовать другой, их также можно сочетать. Примечательно, что человек может поддаться уговорам или угрозам, и поступить не желаемым, а требуемым образом, но при этом остаться при своем мнении и убеждениях. Таким образом, можно вполне уверенно утверждать, что **внешняя и внутренняя свободы взаимосвязаны, но не взаимообусловлены**.

По Платону (5 в. до н. э.) мыслительный процесс человека недостижим для других: «видимый

мир относится к миру идей, как теснины пещеры к простору небес, как отношение к своему прообразу. Царство идей мыслится, но не может быть видимо, а его тень видима, но не мыслится»². Действительно, «мир идей», мир мыслей человека становится слышимым только при условии озвучивания, и видимым в случае передачи, например, письменно-печатным способом. Следует сразу же оговориться, что все наши рассуждения касаются человека, находящегося *compos sui* (в полном сознании) и *compos mentis* (в здравом уме). Итак, как уже было сказано выше, определенному поведению сознательного человека, как правило, предшествуют его мысли, в основе которых лежат определенные мотивы, желания. Борьба между мыслями, нравственными установками человека невидима и недостижима для других людей до тех пор, пока он сам не раскроет их каким-либо из вышеуказанных способов. Если мысль, намерение не реализовать в виде какого-либо действия, поступка, и уж тем более проступка или преступления, о правовом регулировании и речи быть не может, потому как *ex facto oritur jus* - именно от деяния или поступка ведет свое начало право. В пользу этого утверждения свидетельствуют также такие положения римского права как: «*Cogitationis poenam nemo patitur*» (никто не несет наказания за мысли) и «*Cogitationum poenam nemo luit*» (никого не наказывают за намерения).

В «Никомаховой этике» Аристотель (4 в. до н.э.) вывел понятие **созерцательной мысли**, которая не предполагает ни поступков, ни созидания - творчества. Сама мысль, по его мнению, ничего не приводит в движение, это делает только мысль, которая предполагает какую-то цель, то есть поступок, ибо у этой мысли под началом находится **творческая мысль**. А мысль это еще не утверждение³. То есть по Аристотелю изначально свободна только созерцательная мысль, которая не преследует совершение определенных действий, а творческая напротив может ограничиваться, так как она являет собой «**прелюдию**» к действию.

В книге второй Сатир Горация (1 в. до н.э.) мы сталкиваемся с ситуацией характерной для того времени, когда свобода слова, но не мысли, была привилегией патрициев, но не плебеев: «Молви, Атрид, почему хоронить не велишь ты Аякса?» «Царь я - вот мой ответ!» - «Ну что ж! Я - плебей, я смолкаю». «Был мой приказ справедлив. Но если кто мыслит иначе - Пусть говорит: позволяю!» - «О царь, да пошлют тебе боги, Троию разрушив, обратно прильнуть. Итак, мне вопросы И возраженья дозволены?» - «Спрашивай! Я позволяю!»⁴. Очевиден тот факт, что несмотря на запреты или дозволения мыслить так

или иначе, человек, будь то плебей или патриций, мог мыслить так, как ему заблагорассудится. Мыслить способен любой сознательный человек, но порядочно мыслить способен лишь просвещенный, считал Гораций. В науке поэзии он наставлял: «...Прежде чем станешь писать, научись же порядочно мыслить! Книги философов могут тебя в том достойно наставить, А выраженья за мыслью придут уже сами собою»⁵.

Цицерон (1 в. до н.э.) также рассуждал о важности свободы мысли, о тирании, законах, терпении. Он называл мысли, порождаемые ненавистью к власти имущим, **безмолвными суждениями** и считал, что подавлять свободу мысли, порождать атмосферу страха попросту невыгодно для властей: «Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств - быть любимым, самое несообразное - внушать к себе страх... Ибо хотя законы раздавлены могуществом одного человека, хотя свобода утрачена, однако они рано или поздно поднимутся либо в связи с безмолвными суждениями, либо в связи с тайным голосованием при выборах магистратов. Итак, изберем образ действий, дающий величайшие возможности, и притом не только для нашей безопасности, но и для приобретения нами богатства и могущества - с тем, чтобы страха не было, а расположение к нам сохранялось. Так мы с необычайной легкостью достигнем всего, чего только пожелаем, - как в личных делах, так и в государственной деятельности»⁶. Цицерон, понимал всю серьезность и значимость свободы мысли, но воспринимал ее прежде всего как инструмент господства одних над другими, потому что мышление в его представлении можно было контролировать и корректировать, направлять в удобное властью имущим русло.

Мышление любого разумного индивида и есть *causa prima* (первопричина) его действий. Именно мысли человека побуждают его к определенному поведению, мысли и есть мотиватор всего, что касается его жизнедеятельности и взаимоотношений с другими. Не зря древнегреческий поэт Ион Хиосский (5 в. до н.э.) считал, что: «...**мысль-превыше всего между людьми на земле**». Эпикур (3-2 вв. до н.э.) же называл мысль самым быстрым движением атомов. Диокл Магнесийский (1 в. до н.э.) в своем «Обзоре философии» писал: «...**В самом деле, вначале бывает представление, а уже за ним - мысль, способная выговориться, и она выражает в слове то, что испытывается в представлении**»⁷. Несомненно, мысль способна выговориться, но это не значит, что она обязательно выговорится, она может не выразиться в слове, а ос-

таться в качестве мысли, в качестве цитероновского «безмолвного суждения».

Древнегреческий философ Эпиктет (1-2 вв.) признавал мнение (мышление) человека изначально свободным, его абсолютным правом: «Из существующих вещей одни находятся в нашей власти, другие нет. В нашей власти мнение, стремление, желание, уклонение - одним словом все, что является нашим. Вне пределов нашей власти - наше тело, имущество, доброе имя, государственная карьера, одним словом все что не наше. **То, что в нашей власти, по природе свободно, не знает препятствий, а то что вне пределов нашей власти, является слабым, рабским, обремененным и чужим.** Он рассуждал так: «Ведь кто помешает иметь то или иное мнение, стремиться к чему-либо или не стремиться?» и одновременно наставлял: «... необходимо, чтобы тот, кто хочет возвращаться в высших материях не как шлебей, а как добрый муж, имел при этом образ мыслей, способный разделять полезное и вредное и подчинять неразумные стремления здравому смыслу»⁸.

С точки зрения теолога Тертуллиана (1-2 вв.) даже в мыслях человек не должен был позволять себе греховных желаний, но он признавал, что мысль свободна и что человек способен судить только о содеянном, а то как он мыслит недоступно для других. Он отождествлял дух с мышлением человека, с его мыслями и считал, что «еретики могут отрицать соучастие в делах, но соучастие в мыслях они отрицать не могут», «ибо если человеческая ограниченность судит только о содеянном, поскольку **тайники духа для нее недоступны**, это не значит, что мы можем пренебрегать грехами воли и перед Богом. Для Бога все возможно и никакое прегрешение не укрыто от Его взора»⁹. Тертуллиановские взгляды были направлены преимущественно на устрашение еретиков, а также на смирение и покаяние верующих. Если отталкиваться от его рассуждений, то мысли человека невозможного, богобоязненного в корне отличаются от мыслей атеистически настроенного, неверующего человека. В первом случае, срабатывает фактор предопределенности, когда индивид считает, что «на все воля Божья», следовательно он запрограммирован в своем выборе Богом, он ограничен своими верованиями. Во втором случае, именно обстоятельства жизни, окружающая действительность в наибольшей степени формируют мысли, убеждения человека.

Марк Аврелий Антонин (2 в.), римский император и философ в своих «Размышлениях» также обращался к проблеме свободы мысли, считая ее

естественной и необходимой, выражая недовольство тем, что собственные мысли человека и его речи могут не совпадать. Он утверждал, что «нет ничего более нелепого, чем говорить не от себя. Конечно же, такое противоречие может быть вызвано внешними факторами, в силу которых человек избегает открыто выражать свои мысли»¹⁰.

В средние века произошли кардинальные изменения с отношением к свободе человека как таковой, и это не могло не отразиться на отношении к свободе мысли также. Античные научные достижения были преданы забвению, а средневековая философская мысль не отличалась самостоятельностью. Христианство стало официальной религией практически во всех европейских государствах, философские учения подчинились религии, с легкой руки Тертуллиана философы стали называться **патриархами еретиков**. И без того не особо свободная мысль оказалась в еще более стесненном, скованном, можно сказать, парализованном состоянии. Антагонизм между научным познанием и религией вылился в тертуллиановскую формулировку: «**credo, quia absurdum**», что значит «я верю, потому что это нелепо»¹¹. Духовенство, которое считалось фактически единственным образованным классом, возводило церковные догмы в ранг основы любого мышления, соответственно воззрения мыслителей того периода времени были насквозь пропитаны религиозными настроениями и божественной причинностью.

Аврелий Августин Иппонийский, он же Августин Блаженный (4-5 вв.), христианский богослов и философ признавал участие воли во всех актах познания как активных процессов. Он считал зло порождением человеческой воли и что человек имеет свободу выбора грешить ли ему, совершать ли зло. Следовательно, через свободу выбора он принимал свободу мыслить по своему усмотрению¹². Примечательно, что Августин рьяно настаивал на том, что церковь имеет право принуждать верующих к беспрекословному принятию религиозных истин, потому как это делается исключительно в интересах и во благо верующих.

Римский философ Боэций (4-5 вв.) вопрошал: «Разве ты можешь управлять свободным духом? И неужели ты можешь вывести душу из уравновешенного состояния, свойственного [ей], если она сплавлена с твердостью рассудка? Когда однажды тиран счел, что он может пытками принудить свободного человека выдать сообщников по заговору, замышлявшемуся против него, тот откусил свой язык и выплюнул его в лицо жестокого тирана... **Ведь все, что наделено от природы разумом, об-**

ладает способностью рассуждать и отличать одно от другого. Вследствие этого оно знает, чего избегать и чего желать. Каждое разумное существо стремится к тому, что, по его мнению, должно желать, и отвращается от того, чего считает нужным избегать. Поэтому каждый, кто наделен разумом, обладает свободой желать и не желать, однако не в равной степени»¹³.

Верным учению католической церкви оставался философ-схоласт Иоанн Скот Эриугена (810-877гг.), считая, что истина скрыта в писании, а она должна быть истолкована разумом, а разум должен руководствоваться мнениями и суждениями авторитетов церкви¹⁴. И если церковь чуяла в учениях мыслителей опасные еретические тенденции, то они неизменно подвергались преследованиям и гонениям. Одним из ярких примеров, притесненного церковью ученого, был Беренгар Турский (999-1088гг.) с его рассуждениями о том, что в поисках истины следует доверять разуму, нежели авторитетам¹⁵.

Весьма интересны суждения Ансельма Кентерберийского (1033-1109гг.) о том, что воля выбирает цель, которую показывает разум, а это и есть свобода. То есть он допускал возможность порабощения мыслей человека, что в свою очередь однозначно свидетельствует о том, что свобода мысли в его понимании не абсолютна, она способна формироваться под влиянием внешнего воздействия. Выражение кентерберийского «я могу быть влекомо или побеждаем» означает не что иное, как «некто иной может меня увлечь или победить своим рассуждением». Церкви очень импонировало его учение об отношении веры к разуму: «*neque enim quaero intelligere, ut credam, sed credo, ut intelligam*», что означает «не следует понимать, чтобы верить, но, напротив, следует верить, чтобы понимать»¹⁶.

У философа-схоласта Пьера Абеляра (1079-1142) тесно переплетаются понятия разума, свободной воли, совести. **Свободная воля** человека, по его мнению, **возбуждается разумом**, и человека можно назвать добрым или злым на основании его выбора. По Абеляру, разум человека, его мышление возбуждают свободную волю, достигшего определенного возраста человека и человек свободен в выборе своих мыслей и свободен в выборе своих действий¹⁷. А что касается веры, то она должна основываться на разумном понимании.

Фома Аквинский (1225-1274гг.), итальянский философ-теолог высказывался против социального равенства, а подчинение высшим считал добродетелью подданных, еретиков он призывал казнить самым жестоким образом, но в то же время

признавал, что власти подчинены лишь тела людей, но не их души. Взгляды Аквинского свидетельствуют о том, что мысли человеческие свободны, но их необходимо корректировать в соответствии с господствующей религиозной идеологией, потому что свободные взгляды принимались за извращение религии, а это уже считалось тягчайшим преступлением.

Выразителем очень смелых по тем временам взглядов оказался Роджер Бэкон (1214-1292 вв.). По его мнению, церковь погрязла в разврате и грабеже, ее необходимо было очистить «материальным мечом» и «мечом духовным», под которыми он подразумевал справедливого государя и справедливого папу. Бэкон считал невежество наибольшей опасностью, а изучение мудрости достойным занятием. «Знание-сила»- его знаменитая формула благосостояния мира. Трудно не согласиться с доводами Бэкона: несомненно, для того чтобы человек мог вооружаться знаниями, он не должен притесняться, должен иметь доступ к источникам знаний, иметь свободу выбора, возможность свободно мыслить, анализировать и только тогда человек сможет самостоятельно отделять «зерна от плевел», истинное от ложного, плохое от хорошего.

Различие между разумом и волей формально, это свойства души, благодаря которым душа может действовать, считал Иоанн Дунс Скот (1266-1308), шотландский философ и богослов. Таким образом, разум и воля являются мыслящей и желающей силами, или потенциями, души. Как и большинство современных ему философов он принимал восходящее к Аристотелю деление разума на «активный разум» (*intellectus agens*) и «пассивный разум» (*intellectus possibilis*), указывающее на то, что разуму свойственна как деятельность, так и претерпевание¹⁸. Согласно Иоанну Дунсу Скоту чувства, переживания, мысли человека и тому подобное это данные его внутреннего мира и являются важнейшим объектом интуитивного познания.

Не считал человеческую свободу даром божьим и немного отошел в своих взглядах от догматической теологии христианский богослов Мартин Лютер (1483-1546). Он настаивал на том, чтобы каждый в мыслях своих, делах и словах жил целомудренно, считая, что каждодневно человек находится в царстве дьявола, который ни днем, ни ночью не перестает скрытно подбираться, чтобы заронить в его сердце неверие и дурные мысли против церковных заповедей. Мартин Лютер считал нормальным принуждение к молчанию и отверганию мыслей, если эти мысли удерживают и отпугивают от Бога. «Таким мыслям вопреки, (говорю я) мы должны

принять во внимание заповедь сию и повернуться к Богу, чтобы нам еще больше не прогневить Его таким непослушанием»¹⁹. Лютер допускал, что человек свободен мыслить как ему угодно, но все свои силы набожный человек должен бросить на борьбу с небогоугодными мыслями. Мог ли позволить себе среднестатистический средневековый европеец в условиях жестких церковных требований и предписаний в полной мере пользоваться своей свободой мыслить? Ответ «нет» очевиден, ведь систематическое устрашение предполагает состояния запуганности у человека и формирование определенного мышления. В отличие от Лютера, Мишель Монтень (1533-1592) был сторонником свободы мысли: «Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь» и «если у ...людей мысль в том или ином случае не течет легко и свободно, она становится не способною к чему-либо путному»²⁰.

Итак, в средние века всячески поддерживались идеи устрашения и запугивания людей с целью формирования у них определенных навыков богобоязненного мышления и подчеркивалась необходимость направлять и корректировать мышление человека в определенном, выгодном для власти имущих русле. Царящая атмосфера религиозной диктатуры неизбежно приводила к ситуации, когда *homo saepe in ore aliud fert, aliud cogitat* (человек часто говорит одно, а думает другое). Исторический опыт прошлого показывает, что посягательства на свободу мысли человека существовали испокон веков и как с большим трудом, отвоеванное и заслуженное право современного человека, несомненно, настоятельно нуждается в организационных механизмах и процедурах, необходимых для эффективного осуществления его защиты. Можно с уверенностью утверждать, что независимо от исторического периода в котором человек проживает, если он осознает, что его мысли идут вразрез с общепринятыми моральными или религиозными нормами, если его мысли могут представлять для него потенциальную опасность, потому как, например, подрывают авторитет властей и т.п., а это может привести к применению в его отношении определенных санкций, то совершенно очевидно и ожидаемо, что такие мысли не будут предаваться им огласке.

Провозглашенная многими демократическими странами свобода мысли подразумевает прежде всего создание в обществе такой атмосферы, где его члены не принуждаются быть сторонниками определенных взглядов и убеждений, не ставятся в такие условия, когда они вынуждены мыслить так

или иначе, иными словами, нет никаких препятствий для того, чтобы *modus cogitandi* (образ мышления) и *modus agenda* (образ действий) совпадали. Но с другой стороны, следует также понимать, что свобода мысли, свобода человека от идеологического контроля, который может выражаться в методах воспитания, пропаганде, и даже рекламе, не может быть абсолютной. Ведь как можно воспитать патриотический дух у подрастающего поколения, если не пропагандировать и не прививать любовь к Родине, не культивировать с малых лет чувства долга и моральной ответственности, как личной, так и коллективной? Или скажем, как можно создать атмосферу толерантности и гражданского согласия в обществе, если не воспитывать в человеке чувства терпимости, веротерпимости, «любви к ближнему своему»? Идеальным можно было бы считать то общество, где *hominis mens discendo alitur cogitando que* (человеческий разум питают наука и мышление) и тогда человеку не составило бы труда *cum pectore cogitare* (размышлять обдуманно).

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы отметить, что свободу мысли, а она тождественна свободному мышлению, можно понимать и как **свойство** любого сознательного **индивида**, достоверно им переживаемое, как изначально свободный, скрытый, внутренний процесс мышления и как **состояние общества**, в котором нет жестких, обязательных ограничений в виде чьего-то влияния, искусственно создаваемых обстоятельств, вследствие чего индивид обеспокоен тем, чтобы его мысли не предавались огласке, иными словами, общество, в котором мысли и действия индивида могут совпадать, без неблагоприятных последствий для последнего. Мышление, мысли человека создают «мир причин», а материализация мыслей это процесс, происходящий уже в материальном мире, «мире последствий» и необходимо стремиться к тому, чтобы эти два мира сосуществовали в гармонии. Реализация любого права человека на практике, как правило, сталкивается с проблемой разумного баланса публичных и частных интересов, и причем именно для последних нарушение этого равновесия преимущественно носит достаточно болезненный характер. Как известно, *cogit rogando, cum rogat potentior* (когда просят настойчиво, то тем самым принуждают просьбой), а принуждение никак не соответствует нашим представлениям о свободе личности, а следовательно и о свободе мысли в демократическом, правовом государстве.

- ¹ Столяров. А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 1999. С. 206.
- ² С.Ф. Кечекьян, Учение Аристотеля о государстве и праве. Издательство Академии Наук СССР. 1947. С. 37
- ³ https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf
- ⁴ Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сагиры. Послания. Изд-во “Худ. лит-ра” Москва 1970 год. С. 292
- ⁵ Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. Академия. Москва-Ленинград, 1936 . С. 349
- ⁶ <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/08/Mark-Tulliy-TSitseron-Ob-obyazannostyah.pdf>
- ⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Академия наук СССР Институт философии. Изд-во «Мысль», Москва.1986. С. 262
- ⁸ Эпиктет. Энхиридион. Краткое руководство к нравственной жизни. Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. Санкт-Петербург. «Владимир Даль». 2012.
- ⁹ Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. Москва. Изд. Группа «Прогресс», 1994г. С. 309
- ¹⁰ Марк Аврелий Антонин. Размышления, Изд-во «Наука» Ленинградское отделение. Ленинград. 1985г. С. 66
- ¹¹ http://www.tertullian.org/articles/sider_credom.htm
- ¹² История философии. Том 1. Философия античного и феодального общества. Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. С. 393
- ¹³ Бозэций. Утешение философией. М.: Наука. 1990. С. 59
- ¹⁴ История философии. Том 1. Философия античного и феодального общества. Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. С. 419
- ¹⁵ Там же. С. 424
- ¹⁶ Там же. С. 428
- ¹⁷ <http://www.lib.ru/HRISTIAN/ABELAR/dialog.txt>
- ¹⁸ http://www.ereignis.ru/articles/20_ioann_duns.pdf
- ¹⁹ Большой атеизис д-ра Мартина Лютера. Издание 2-ое Финляндской Церкви Лютеранского Исповедания. STLK, Rajakatu 7, 15100 Lahti, Финляндия 2012. С. 95
- ²⁰ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. - М.: Голос, 1992. С. 25
- ²¹ <https://coollib.com/b/276251/read>

Քրիստինե Հովհաննիսյան

ՀՀ սահմանադրական դատարանի դատավորի օգնական,
Հայ-Ռուսական համալսարանի իրավունքի և
քաղաքականության ինստիտուտի սահմանադրական
և մոնիցինգայալ իրավունքի ամբիոնի հայցորդ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Մտքի ազատությունը Հին աշխարհի և Միջնադարի մտածողների հայացքներում

Սույն հոդվածում ուսումնասիրության և քննադատական վերլուծության օբյեկտ են հանդիսանում մտքի ազատության վերաբերյալ անտիկ և միջնադարյան մտածողների հայեցակետերը: Չնայած, որ մտքի ազատության մարդու իրավունքը, որպես այդպիսին, ձևավորվել է մեր ժամանակներում, այդ գործընթացի վրա ազդած պատմական գործոնների իմացությունը, կարևորագույն դեր է խաղում այդ իրավունքի ճիշտ ըմբռնման և մեկնաբանման հարցում, ինչպես նաև մտքի ազատության սահմանադրական իրավունքի իրավական կարգավորման կատարելագործման հարցում:

Հիմնաբառեր- ազատություն, մտքի ազատություն, Հին աշխարհ, Միջնադար:

Kristine Hovhannisyan

Assistant to the Judge of the Constitutional Court of the RA,
Post-graduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University

SUMMARY

Freedom of thought in the views of thinkers of Antiquity and the Middle Ages

The topic of the study and critical analysis in this article are the views of ancient and medieval thinkers regarding freedom of thought. Although the human right to freedom of thought as such has been formed in our time, the knowledge of the historical factors that influenced its formation plays a crucial role in the issue of its proper understanding and interpretation, as well as in the issue of improving the legal regulation of the constitutional right to freedom of thought.

Key words: freedom, freedom of thought, Antiquity, the Middle Ages.